

ВЛАДИСЛАВ БАХТИН

МАТЬ

ПОВЕСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Максимович Бахтин

Мать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69135748

SelfPub; 2023

Аннотация

В обществе потребителей родители становятся для детей обычным ресурсом. «Они должны, а я никому ничем не обязан», – слоган подростков и героя повести. Вопрос, задаваемый многим детям: «Одет-обут-накормлен, что тебе ещё нужно?» – не подходит для семьи героя. Помимо «одет-обут-накормлен», он ещё и образован, и воспитан, только, вступив в подростковый период, что-то в отношениях с матерью пошло не так. Что произошло с героем? Почему матери и сыну не удалось сохранить добрых отношений? К чему могут привести подростка нерешённые семейные конфликты? Есть ли правильный выход из сложившейся ситуации? Такие вопросы ставит перед читателями автор книги.

Владислав Бахтин

Мать

Тяжёлые пакеты резали пальцы рук. Через каждые десять шагов Анна останавливалась. Уставшая женщина шла и злилась на сына, который не отвечал на её телефонные звонки. Анна была уверена, что он дома и просто не берёт трубку. Доплетясь до квартиры, поставила пакеты на пол, с трудом пошевелила затёкшими от тяжести пальцами. Достала ключи, открыла металлическую дверь-сейф, доставшуюся от прежних хозяев, перешагнула порог.

Дверь в комнату сына была закрыта.

– Влад! — крикнула мать.

Дверь неохотно раскрылась. В проёме появился подросток пятнадцати лет. Красивый парень, с правильными чертами лица, с умными глазами, обрамлёнными ресницами, которые портили крупинки блефарита, немного заострённым подбородком, правильной формы носом, с несколькими округлыми шрамами на щеках — память от ветрянки. Мать просила не трогать болячки на лице, предупреждала, что могут остаться отметины от оспы, но тогда, ещё двенадцатилетний подросток, матери не послушал и отковырнул несколько болячек, уродовавших лицо.

– Привет, — недовольным голосом сказал парень, которого отвлекли чем-то незначительным.

– Ты почему на звонки не отвечал? — с упрёком спросила мама, снимая пальто.

– Не слышал, — неприязненно ответил подросток, собравшись снова закрыться в своей комнате.

– Стой! — приказала мать. — Пакеты отнеси.

Парень нехотя взял пакеты и потащился с ними на кухню. Переобувшись, мать заглянула в комнату сына.

– Боже мой, здесь живёт не сын, а свин. Без шуфельной лопаты к тебе в комнату не попадёшь.

Сын оттеснил мать из проёма и, захлопывая дверь перед самым её носом, с раздражением ответил:

– Творческий беспорядок.

С силой раскрыв дверь спальни, мать злым голосом сказала:

– Ещё раз хлобыстнёшь дверью, я не знаю, что с тобой сделаю.

Сын устался в компьютер, никак не отреагировав на материнский гнев, понимал, что мать лучше не доводить до бешенства – себе дороже.

Анна через длинный коридор дошла до кухни, только взглянула в раковину, как тут же с пол-оборота завелась:

– Ты уже достал своим потребительским отношением ко мне. Живёшь, как квартирант. Посуду за собой можно было помыть? Крошки со стола стереть? Где пожрал, там и оставил. Тунеядец несчастный.

Подогреваемая злостью мать начала перемывать посуду,

громко её расставляя на полку. Усталость спряталась, испугавшись гнева. Анна привела кухню в порядок, припугнула продукты и принялась готовить ужин. Мать была сильно расстроена. Она нервно почистила картофель для пюре, отварила шпикачки, нарезала салат из помидоров с луком, заправила его горчичным маслом. Тяжело села за стол. Позвала сына к ужину — он отказался.

– Ну и пошёл ты, — скорее себе, чем ему тихо сказала мать. Без аппетита поела. Прибрала за собой. Ещё предстояло проверить тесты студентов и подготовиться к завтрашним лекциям. Сил уже не было.

Двухкомнатная квартира, взятая в ипотеку, была небольшой. Спальню отдали сыну, а в зале разместились Аня с мужем. Зал условно делился на три части: спальное место, где стояла большая кровать; рабочий уголок, с Аниным столом и компьютером; и место отдыха, с раздвижным диваном, который еле удалось втиснуть между двумя шкафами. Над диваном повесили красивое инкрустированное зеркало. Ане обстановка зала не нравилась, но, как красиво организовать такое малое пространство, да к тому же чтобы оно было уютным, не знала.

Поджав под себя ноги, села в кресло-качалку, стоявшее рядом с кроватью. Взяла стопку листов с тестами и начала проверять. Механическая работа отвлекла от мыслей.

Сын тихо вышел из комнаты, подошёл к матери:

– Мам...

Аня перевела взгляд на Влада, вопрошающе посмотрела.

— Я рассказ тут один написал. Сможешь проверить ошибки? — протянул ноутбук, усаживаясь на кровать.

— А извиниться?

— Извиняюсь.

— Молодец, сам у себя прощения попросил. Простил себя? — нечто вроде улыбки показалось на лице матери.

— Я идеален. Ты не согласна? — Влад паясничал.

Мать опустила ноги:

— Давай свой опус, — пробежала глазами по электронным страницам. — Вот смотри: ты пишешь: «В детстве особенно важно научиться любить природу, понять её красоту». Здесь грамматическая ошибка. Нарушил видовременную соотнесённость глагольных форм. Нельзя, чтобы однородные сказуемые стояли в разном времени и виде.

— Дай посмотреть, — Влад развернул к себе ноутбук и сказал: — А если так: «В детстве особенно важно научиться любить природу и понимать её красоту и тайну»?

— Так нормально. — Просмотрев ещё несколько страниц, Аня заметила: — Много написал. Сейчас нет времени вчитываться. Скинь на почту.

— Ок, — ответил сын и добавил: — Мам, меня попросили завтра на литературе прочитать доклад «Тютчев — тайный советник и камергер». Я возьму твою вузовскую лекцию? Ты не против?

— Возьми. К этой лекции хорошо идёт видео об Овстуге.

В архиве посмотри.

– Наше видео?

– Да, тебе лет шесть было, мы ездили в тютчевскую усадьбу. Помнишь?

– Немного. Мне ещё разрешили за его столом посидеть.

Да?

– Ты в этом фильме вообще играешь роль юного поэта, — за весь вечер мать впервые улыбнулась.

Школа, в которой учился Влад, была с углублённым изучением иностранных языков. Но на семейном совете решили, что углублёнка плюс музыкальная и спортивная школы — это чересчур. Ограничились дополнительным часом французского языка с репетитором. Парню нравилась его школа. Он был общителен, со всеми на короткой ноге. Учителя его уважали, многие восхищались. Некоторые одноклассники считали его маменькиным сынком. Влад знал об этом, но его это не трогало. Мать очень много для него сделала, он прекрасно это понимал. Когда слышал от своих друзей жалобы, что их родители мало времени им уделяют, то пожимал плечами. Его мать всегда была с ним рядом, каждую свободную минуту старалась отдать ему. В детстве они много вместе читали, ходили в театры, путешествовали. Когда стал постарше, то читали одни и те же книги, затем их вместе обсуждали.

В десять лет Влад начал вести собственный дневник. За-

писывал в него различные события дня, свои мысли, ранние воспоминания. Через год дал маме почитать. Ей так понравились его записи, что, отредактировав, решили издать отдельной книгой. Так «Год моего детства, или дневник десятилетнего мальчика» стал визитной карточкой Влада. Окрылённый успехом, поддержанный родителями, продолжал писать. У него появился сборник рассказов «Зеркало», в который он собрал все свои социально-бытовые сказки, сборник «УПС», в который вошли рассказы из собственной жизни. Однажды, после поездки на литературную премию «Глаголица», его поразила одна девочка-мальчик, о которой он написал рассказ «Она-Он», так появился сборник «Странные люди». Теперь он задумал роман «Лагерь», в котором решал для себя вопрос: возможно ли счастливое общество на земле, и если да, то каковы основания такого общества.

Влад стоял у доски с опущенным экраном, демонстрируя слайды к своему докладу. В тёмно-синем с искрой костюме, в дорогом стильном галстуке и такой же расцветки платком в нагрудном кармане, кипенно-белой шёлковой рубашке, атлетически сложенный, он, лишь иногда подсматривая в распечатку, говорил:

– Изучение поэта, на мой взгляд, было бы неполным без погружения в атмосферу, которая окружала его с детства. Поэтому, вслед за мной, предлагаю вам очутиться в тютчевской усадьбе «Овстуг» Брянской губернии.

Учитель выключил свет. На экране размытыми тенями

показалась усадьба «Овстуг». Затем появился маленький ладный мальчик, который по-хозяйски расхаживал по усадьбе, как будто собственной. Вот он на четвереньках подползает к пасущимся на лужайке лебедям, гладит местную рыжую собаку, кормит с белого мостка кусками батона уток. А вот уже с важным лицом сидит в барском доме за столом Тютчева, делает вид, что сочиняет стихи.

Ребята с первого взгляда не узнали в мальчике Влада, так сильно он с тех пор изменился. А потом стали улыбаться и под конец вовсе засмеялись.

Экран погас. Докладчик подытожил:

– Уходят из жизни любимые женщины поэта, его дети. В последнее время он всё чаще жаловался: «Не живётся, не живётся!» 1 января 1873 года случился удар. Сердце не выдержало. Не стоит осуждать поэта, как не стоит осуждать и любого человека. Важно его понять.

Влад закончил своё сообщение, находясь при этом в какой-то эйфории. Ему всегда нравилось выступать перед публикой. Он её не боялся, внимание хоть небольшого класса, хоть огромной аудитории его будоражило, доставляло удовольствие.

Ребята захлопали, а замороженный учитель подытожила:

– Влад, блестящий доклад! Отлично! Ты меня с пятого класса поражал своей начитанностью и эрудицией. Хочется верить, что тебя ждёт интересное будущее. Молодец!

Анна Сергеевна работала в небольшом частном вузе, который находился в соседнем городе. Ездила на пригородной электричке. Добираться до работы приходилось около полутора часов и столько же обратно. Дорога сильно выматывала уже немолодую женщину. Сегодня было три пары лекций. Анна так устала, что чуть не проспала свою станцию. Тяжёлой походкой она подходила к дому, как вдруг кто-то налетел на неё сзади и выхватил сумку. Аня вздрогнула, хотела уж кинуться на защиту собственности, как увидела сына.

– Влад, да разве можно так пугать? Чуть сердце не остановилось.

Сын улыбался:

– С работы?

– С работы. Как доклад?

– Даже не сомневайся! — гордо ответил парень.

– Молодец! – похвалила Анна сына, хотя к его победам относилась как к должному.

– Ты как?

– Что-то со мной происходит непонятное. Сегодня на последней паре закружилась голова. Хорошо, что успела за кафедру схватиться, а то растянулась бы перед всей аудиторией.

– Представляю: если учитель рухнет без дыхания перед доской, какой это произведёт в классе фурор, — Влад искренне при этих словах засмеялся.

– Да, очень смешно, — с иронией заметила мать, а за-

тем продолжила: — Нужно к врачу сходить, что-то неладное происходит.

— Ты, вроде бы, ещё не старая, в этом году тебе пятьдесят стукнет. На тебе можно пахать и пахать, — не зло пошутил сын.

— Что ты и делаешь, — серьёзно заметила Анна.

— Ладно тебе, совсем юмор не понимаешь. А, между прочим, остроумие — это признак высокоразвитого интеллекта.

— У тебя он очень высок, только сердце из ваты, — более миролюбиво ответила мать.

— Помню я эту притчу, ты мне её раз двадцать рассказывала. Если у человека сердце каменное, то его можно разбить, если железное, то расплавить, а если ватное, то стучи — не стучи, плавь — не плавь, оно никак не отзовется.

— Знаешь, а не меняешься. Живёшь с ватным сердцем, ни сострадания, ни жалости, ни чувства благодарности в тебе нет.

— Вот почему так происходит: когда я к тебе со всей душой, то ты начинаешь меня воспитывать, читать какое-нибудь моралите, отчего мне хочется тебе только хамить.

Мать с нелюбовью посмотрела на сына, промолчала, и оба недовольные друг другом пошли вдоль белокаменной высокой церковной стены. Стена была смешная. При строительстве угловой башни на пути встал бетонный для электрических проводов столб. Вместо того, чтобы столб перенести вперёд на полметра, его окутали стеной. Замурованный в

кирпичную стену старый бетонный столб самодовольно выглядывал из дыры, которую специально для него прорезали в крыше башни.

Чтобы немного разрядить обстановку, мать сказала:

– Папа звонил.

– Угу. Как он там? — без интереса спросил Влад.

– Обустраивается. Поймал десять судаков. Купил два улика.

– Я так и не понял: почему вы разъехались? — для поддержания разговора спросил сын.

– Мы же тебе объясняли, — мать посмотрела в глаза ребёнку.

– Объясняли, но я не понял. Меня друзья спрашивают, почему предки разъехались, а им говорю, что хз. Вроде, не разводились, а взяли и разлетелись. Так он где?

– Боже, в кого ты такой чёрствый? Тебе всё, что касается родных, пофиг.

– Ты бы на себя посмотрела со стороны: всё что я говорю, всё, что я делаю, тобою осуждается, не принимается. Ты меня постоянно гносишь. Я плохой, эгоистичный, самовлюблённый, неуважительный к тебе, к отцу, неблагодарный. Все вокруг меня хвалят, одна ты вечно недовольна, — бросая в лицо матери обвинения, сын перешёл на громкие ноты, говорил эмоционально, артистично, помогая себе руками.

– Он купил небольшой домик в деревне Кудыкино, — не реагируя на эмоции, сказала мать.

– Какой? — от своей пламенной речи Влад мгновенно перешёл к удивлению. — Кудыкино?

– Да, говорит, что деревня находится в очень живописном месте. Рядом чистая речка. Летом можно плавать.

– Не, летом я в «Артек». В деревню полоть ваши грядки — увольте.

– В ноябре, на каникулах, давай к нему съездим? — предложила мать.

– Ты что забыла? Я же на ноябрьских каникулах уезжаю.

– Значит, не поедешь?

– Нет, конечно. Я что напрасно выиграл в конкурсе «Глаголица»? Там такие зашибенные мастер-классы проводят, встречи с писателями. Нет, такое пропустить из-за какого-то Кудыкино нельзя.

– Не из-за Кудыкино, а из-за отца, — поправила мать недовольным голосом.

– Пусть обустроивается. Зимой съезжу. Какие проблемы?

– Никаких! — зло ответила мать.

Воскресенье Анна посвятила уборке квартиры. Просила Влада пропылесосить, но тот, сославшись на огромное количество уроков, отказался. Раздался телефонный звонок. Влад поднял трубку, односложно с кем-то разговаривал:

– Здравствуйте! Да. Да. Немного забыл. Постараюсь. Да. Хорошо. До свиданья.

Затем со злостью кинул телефон на кровать и со всего ма-

ху кулаком ударил в стену.

– А ты головой попробуй, может, прояснится, — посоветовала мать.

– Да она достала меня с конкурсами. Ненавижу.

– Оксана Вениаминовна звонила, что ль?

– Она. В эту пятницу конкурс межзональный, просила повторить Баха и Паганини.

– Ну что так нервничать? Что ты мне тут стены разбиваешь? Я тебе давно говорила, если устал от музыкалки — бросай. Научился играть на гитаре — и ладно. Ты же не собираешься свою жизнь связывать с ней.

– Не собираюсь. Но и бросить не могу. Начал — надо закончить. Сама так учила.

– Я тебя не учила зло на стенах вымещать. Держи себя в руках. Шуруй в зал, я у тебя полы помою и пыль вытру. Сам же на это не способен.

– Ой, только не начинай! — Влад схватил гитару, ноты и ушёл в зал.

Это был не просто конкурс, а конкурс-концерт. На него были приглашены все учащиеся отделения «Гитара», все преподаватели музыкальной школы.

Когда объявили выступление Влада, он не спеша вышел на сцену, украшенную праздничным баннером «Фестиваль-конкурс „Гитарные струны”». Держа перед собой вертикально гитару, поклонился, аккуратно поставил подножку,

установил нужную высоту. Положил на левое колено специальную салфетку, уменьшающую скольжение инструмента о брюки. Замер на несколько секунд и из-под его пальцев заструился Бах. Произведение было сложное, с многочисленными репризами, с крещендо и диминуэндо, которыми цветисто была украшена «Прелюдия». Разучивая её дома, Влад всё время ругался на Баха, считая его придурком, придумавшим такую чушь собачью. Но сейчас юноша преобразился, весь сосредоточился на извлечении звуков.

Публика с удовольствием аплодировала, еле дождавшись конца такого длинного произведения. Мальчик с лягушечьим ртом хлопал громче всех. Он за полгода учёбы в музыкальной школе разучил один небольшой этюд Сагрераса и три аккорда, на которых играл двадцать частушек. Повернувшись к соседу, который был годом старше, прошептал:

– Разве можно такую хрень выучить? Я бы ни за что.

Сосед согласился и сказал:

– Я поучусь три года, научусь разным аккордам и уйду. А чтоб вот так, — и мотнул головой в сторону Влада, — нафиг надо.

Затем была «Соната № 26» Николы Паганини. Когда-то Влад с мамой ходил на концерт виртуоза гитары Артёма Дервояда и от него узнал, что в своё время Паганини хотел стать гитаристом, но, услышав игру своего современника Фердинанда Карулли, передумал, сказав, что лучше быть первым скрипачом, чем вторым гитаристом.

«Соната» была не сложной, более мелодичной, но тоже огромной. Малыши заёрзали на стульях, на них начали цыкать. Зал с удовольствием аплодировал Владу, когда он получил заслуженную грамоту первой степени.

По дороге домой, около школьных турников, парень увидел своих друзей: Костю — шустрого, улыбочивого, хулиганистого на уроках мальчика, пытавшегося сделать «стульчик» на перекладине, Лизу — девушку, с которой он с первого класса соперничал за лидерство, а потом борьба как-то незаметно сама собой переросла в дружбу, Валеру — невысокого роста паренька, стоявшего на ноябрьском ветру без шапки, нахохлившегося от холода.

Все они были одноклассниками Влада. Ребята хорошие, проверенные.

Заметив Влада, закричали ему, замахали руками. Решив лезть через высокий забор — обходить было лень, он вначале передал гитару в толстом надёжном чехле через решётку забора, а затем и сам, ловко подтянувшись, перепрыгнул через него. Тут же, расстегнув куртку, обмотав шарф вокруг шеи, схватился за турник, сделал пять выходов силой, «Офицерский», «Принца», прыгнул и почувствовал в мышцах приятное тепло и растяжение.

– Мы тебе звонили. Ты в музыкалке был?

– Да, у меня сегодня конкурс. Короче, победу надо отметить. Го ко мне? Пиццу закажем.

– А Анна Сергеевна не будет против? — спросил Валера,

обладавший природной деликатность.

– Во-первых, она на работе, а, во-вторых, почему она должна быть против? Идёмте.

После пандемии двадцатого-двадцать первого годов вся страна от мала до велика научилась мыть руки. С порога ребята напрямик отправились в ванную, а затем перетекли в зал. Валера с Лизой удобно расположились на диване, Костя подвинул к ним кресло-качалку с накидкой-массажёром, тут же нажал «Пуск». Шарики массажёра приятно побежали по спине. Влад, прихватив гитару, другой рукой вёз перед собой стул на колёсиках. Сев на него перед ребятами, сказал:

– Пиццу заказал, сказали, что в течение часа доставят. А пока давайте я вам что-нибудь забацаю.

– Что-нибудь из новенького? — заказала Лиза.

– Есть Бах и Моргенштерн, — со смехом объявил Влад.

– Первый для меня слишком прост, давай Моргена, — попросил Костя, всё время волной ходивший в кресле.

– Ок.

Сыграв небольшое лирическое вступление, войдя в образ своего кумира, не столько запел, сколько заречитативил Влад:

Меня ругает мама за то, что я дебил.

Я каждый день катаюсь, на школу х*й забил.

Не ругайте, мама, позвольте мне сказать:

Всё, что нужно в жизни мне – пить пиво и катать.
На припеве все запели вместе.

О-о-о-о! Пиво и скейтборд!

О-о-о-о! Пиво и скейтборд!

О-о-о-о! Пиво и скейтборд!

О-о-о-о! Два пива и скейтборд!

К Моргеншерну Влад относился нежно. Ему нравился этот презираемый большинством взрослых музыкант. Ему нравились его видосики, которые были сделаны очень круто, с привлечением кучи бабла, и очень профессионально. Ему нравились маты, которые нескончаемым матопадом обрушивались на слушателей, как бы говоря: «И что вы со мной делаете? Да ничего. Кишка тонка!» За всей грубостью, наглостью, дерзостью Влад чувствовал ранимую, романтическую душу. Он воспринимал Моргена как героя своего времени, каким некогда был Пушкин, который «милость к падшим призывал», а этот перед всем российским народом выставил огромное чистейшее зеркало и сказал: «Смотрите, суки, вот ваша жизни! Вот ваши продажные рожи! Вот до какого скот-

ского состояния вы в своей алчности дошли! Не нравится? Пососите!»

Мать, интересующаяся всеми увлечениями сына, услышав песни Моргенштерна, ужаснулась, но поняла: возраст сына таков, что идти напролом, жёстко что-либо запрещать бесполезно. Она попыталась с ним поговорить. Обычно для серьёзных разговоров выбирала время перед сном, когда сын её слышал и сам был не против поговорить по душам.

– Наша голова так устроена, что вся информация, которая в неё попадает, остаётся внутри, — как-то перед сном при включённом ночнике сказала мать.

– Тогда почему мы не помним, как родились? Первые годы жизни? Да и вообще, многое?

– Потому что у нас нет навигации по нашей памяти. То есть, информацию наш мозг получил, положил её в определённое место или даже сразу в несколько, а вот путь к этой информации забыл.

– Это похоже на пословицу: «Что с возу упало, то пропало».

– Не совсем. Человек под гипнозом способен вспомнить всё. А особо обученные люди могут такую навигацию по собственной памяти создавать. Им и гипноз не нужен.

– Я-то обычный человек. Зачем мне такие спецвозможности?

– Проблема в том, что мы не только то, что едим, но и то, какой информацией себя питаем. Ведь говорят, со святыми

святым будешь.

Сын резко перебил:

— Я всё думал, к чему ты клонишь. Это ты на Моргена дух тянешь? Типа он меня разрушает?

— Ты сказал, — усмехнулась мать, — но в твоих словах правда есть. Я понимаю, почему этот человек появился именно сейчас. На него был запрос общества. Люди дошли до скотского состояния. Не знаю, следствие ли это мирового заговора, — при этих словах Анна улыбнулась, — или эволюционная природа человека такова, но Моргенштерн никогда не мог бы появиться в Советском Союзе. Его там не нужно было!

— Мам, я не верю, что его творчество действует разрушительно. Есть люди, которые всю жизнь матерятся, их речь без мата даже трудно представить. Нормальные люди. И среди публичных людей куча таких. Актёр Ширвиндт, тот же Розенбаум. Кто ещё? Боярский. Они как сапожники матерятся. И что? Да и уважаемый тобой Дмитрий Быков матюконщик ещё тот. А потом. В ваше время не было что ли групп подобных Моргену? Были. И «Сектор газа», и «Красная плесень».

— Вот удивительно: всё детство я тебя учила, воспитывала на лучших образцах литературы, ходили в театры, музеи. Концерты какие замечательные слушали. И всё напрасно. Пришёл пацан с тремя шестёрками на лбу и объявил: «Если родителям некогда заниматься воспитанием собственных детей, то детьми займусь я». Нормально? И занялся. Напри-

мер, тобой.

– Он поёт о том, как оно в жизни есть на самом деле.

– Да откуда ты знаешь, как оно на самом деле? У Алишера прекрасная девушка, уже жена, к которой он очень трепетно относится, а в вас сопляках, он своими песнями воспитывает циничное отношение к женщине. Вот одна из его песен. — И мать по памяти процитировала её:

Поработай в постели, baby.

Я кручу д*рьмо прямо на постели, baby.

Так проходит каждый день недели

В моем доме, как в отеле, с*ка хочет денег.

Поработай в постели, baby.

Эта с*ка хочет денег.

Влад засмеялся:

– Ты у меня прошаренная. Но не парься ты насчёт этого чувака. Главное, что он не пидор. Нормальный мужик. Я его уважаю.

Сейчас, запев очередную песню своего кумира, Влад улыбнулся, вспомнив тот ночной разговор.

Сигнал домофона перекричал поющих подростков. Влад кинулся открывать дверь. Наскоро расписавшись в наклад-

ной курьера, взял ещё горячую пиццу. Гомонящие ребята переместились на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.